

Карлос Кастанеда "Путешествие в Икстлан"

Глава 4. СМЕРТЬ-СОВЕТЧИК

- Ты когда-нибудь расскажешь мне о пейоте? - спросил я.

Вместо ответа он снова взглянул на меня как на ненормального.

Я уже не раз заговаривал с ним на эту тему, но он только хмурился и качал головой. В этом жесте не было прямого отказа, скорее саркастичное недоумение.

Дон Хуан резко встал. Мы сидели на земле у порога. Едва заметно кивнув, он предложил мне идти за ним.

Мы направились на юг и углубились в пустынный чаппараль. По пути он повторял, что я

должен ясно понять бесполезность чувства собственной важности и личной истории.

- Твои друзья, - сказал он, резко повернувшись ко мне. - Которые давно тебя знают - от них нужно уйти, причем как можно скорее.

Я подумал, что он до идиотизма настойчивый псих, но промолчал. Он пристально посмотрел на меня и начал смеяться.

Наконец мы остановились. Только я собрался присесть, как дон Хуан велел мне пройти еще ярдов двадцать и громко поговорить с растениями на полянке. Я почувствовал неловкость и внутреннее сопротивление. Я был сыт по горло его странными требованиями и заявил, что не могу разговаривать с растениями, так как чувствую себя при этом ужасно глупо. На это он сказал только одно: мое чувство собственной важности поистине не имеет границ. Вдруг ему что-то пришло в голову, и он, видимо, принял решение. Он сказал, что мне не следует пытаться разговаривать с растениями до тех пор, пока это не станет у меня получаться легко и естественно.

- Ты хочешь изучать их, и в то же время не желаешь ничего для этого сделать, - произнес он с укором. - Так что же тебе на самом деле нужно?

Я объяснил, что меня интересует любая информация об использовании растений, поэтому я и попросил его быть моим информатором, предложив даже плату за труды и за потраченное на меня время.

- Ты должен согласиться брать с меня деньги, - сказал я, - Так будет лучше для нас обоих - я смогу расспрашивать тебя о том, что мне нужно, а ты будешь на меня работать и за это получать деньги. Что ты об этом думаешь?

Дон Хуан взглянул на меня презрительно и, сложив губы трубочкой, издал громкий непристойный звук.

- Вот что я об этом думаю, - сказал он и истерически захохотал при виде крайнего изумления, написанного, должно быть, на моем лице.

Мне было совершенно ясно, что это - не тот человек, с которым я мог бы легко совладать. Несмотря на возраст, он был полон энергии и невероятно силен. Раньше я полагал, что он станет для меня идеальным "информатором", поскольку он очень стар. Я всегда считал, что старики являются наилучшими информаторами, поскольку не способны ни на что, кроме разговоров. Но дон Хуан не был жалким типом. Я чувствовал, что он неуправляем и опасен. Мой друг, который нас познакомил, был прав. Дон Хуан - странный старый индеец, и, хотя он не был малость не в себе, как говорил мой приятель, дело с ним обстояло еще хуже - он был сумасшедшим. На меня снова нахлынула волна прежних сомнений и опасений, от которых я, как мне казалось, уже избавился. В самом деле, мне не составило никакого труда убедить себя, что я хочу съездить к дону Хуану. Я подумал, что сам был слегка не в себе, когда чувствовал, что мне нравится с ним общаться. Тогда на меня сильно подействовала его идея относительно того, что мне очень мешает чувство собственной важности. Но, видимо, все это было не более чем интеллектуальными упражнениями с моей стороны, и едва лишь мне вновь довелось столкнуться с его непостижимым поведением, как опасения охватили меня с новой силой, и мне захотелось уехать.

Я сказал, что, по моему мнению, мы с ним - совершенно разные люди, и это делает наше общение невозможным.

- Один из нас должен измениться, - произнес он, глядя в землю. - И ты знаешь, кто.

Он начал напевать мексиканскую песню, а потом резко вскинул голову и взглянул мне прямо в лицо. В глазах его были ярость и огонь. Я хотел было отвести глаза или закрыть их, но, к своему великому изумлению, оторваться от его взгляда не смог.

Он спросил, что я увидел в его глазах. Я ответил, что ничего, но он настаивал на том, чтобы я рассказал, осознание чего вызвал во мне его взгляд. Я постарался дать ему понять, что его глаза заставили меня осознать только собственное смущение, и что я чувствовал себя под его взглядом весьма и весьма неудобно.

Рассказ недели

Автор: vetra

08.05.2012 17:11 - Обновлено 15.05.2012 15:17

Он не отступал. Он продолжал смотреть. В его взгляде отсутствовала прямая угроза или злость, он был скорее таинственным и беспокоящим.

Дон Хуан спросил, не напоминает ли он мне птицу.

- Птицу?! - воскликнул я.

Он по-детски хихикнул, отвел глаза и мягко сказал:

- Да. Очень необычную птицу!

Он снова зафиксировал на мне взгляд и приказал вспоминать. С чрезвычайной убежденностью он утверждал, что "знает" - я уже когда-то видел этот взгляд.

У меня возникло ощущение, что каждый раз, когда старик раскрывает рот, он меня просто провоцирует. Я уставился на него с откровенным пренебрежением. Вместо того, чтобы разозлиться, он захохотал. Хлопнув себя по ляжкам, он заорал так, словно объезжал дикую лошадь. Потом дон Хуан снова стал серьезным и сказал, что сейчас для меня очень важно перестать с ним бороться и вспомнить ту необычную птицу, о которой он говорит.

- Смотри мне в глаза, - велел он.

В его глазах была дикая ярость. Мне показалось, что они и впрямь о чем-то мне напомнили, но я не мог с уверенностью сказать, о чем именно. Некоторое время я об этом размышлял, а потом вдруг осознал: не форма глаз или головы, но холодная ярость этого взгляда напомнила мне о том, как выглядят глаза сокола. В этот самый миг он искоса смотрел на меня, и в течение короткого мгновения в моем уме царил полный хаос. Мне казалось, что вместо дон Хуана я вижу сокола. Однако образ был слишком мимолетным, а я находился в чересчур подавленном состоянии, и это помешало мне в

достаточной степени на нем сосредоточиться.

Очень возбужденно я сказал дону Хуану, что готов поклясться - я видел черты сокола в его лице. Дон Хуан снова расхохотался.

Мне доводилось видеть глаза соколов. Когда-то в детстве я охотился на них, и, по мнению моего деда, это у меня хорошо получалось. У него была ферма по разведению леггорнских кур, и соколы представляли угрозу для этого бизнеса. Их отстрел считался делом не только целесообразным, но и "правильным". До этого самого момента я не вспоминал, что ярость соколиных глаз годами преследовала меня. Все это было где-то далеко в прошлом, и я думал, что в памяти моей не осталось и следа тех воспоминаний.

- Я охотился на соколов, - сказал я.

- Я знаю, - сказал дон Хуан таким тоном, словно это было нечто само собой разумеющееся.

В его голосе звучала такая уверенность, что я рассмеялся. Что за нелепость, в конце концов! У него хватило наглости сделать вид, будто бы он знал, что я охотился на соколов! Я почувствовал к нему безграничное презрение.

- А почему ты так злишься? - спросил он с видом крайней озабоченности.

Я не знал, почему. Дон Хуан принялся "прощупывать" меня очень необычным способом. Он попросил меня снова посмотреть на него и рассказать об "очень необычной птице", которую он мне напомнил. Я воспротивился и презрительно заявил, что рассказывать здесь нечего. А потом почувствовал: следует спросить, откуда ему известно о том, что я охотился на соколов. Но вместо того, чтобы ответить, он в очередной раз прокомментировал мое поведение. Он сказал, что я - горячий парень и начинаю "брызгать слюной" из-за каждого пустяка. Я возразил, заявив, что это неправда. Мне всегда казалось, что я весьма терпим и добродушен. Я сказал, что он сам виноват, поскольку своими неожиданными словами и действиями вывел меня из себя.

Рассказ недели

Автор: vetra

08.05.2012 17:11 - Обновлено 15.05.2012 15:17

- Почему ты злишься? - спросил он.

Я проанализировал свои чувства и реакции. Причины для того, чтобы злиться, действительно не было.

Он вновь настоятельно потребовал, чтобы я посмотрел ему в глаза и рассказал о "необыкновенном соколе". Теперь он выразился иначе: раньше он говорил "очень необычная птица", а в этот раз сказал "необыкновенный сокол". Это соответствовало изменению, происшедшему в моем собственном настроении. Меня внезапно охватила печаль.

Он прищурился, так что его глаза превратились в узенькие щелки, и сказал, что "видит" очень необычного сокола. Слова его звучали с каким-то особенным драматизмом. Он трижды повторил их, словно в самом деле видел перед собой эту птицу и спросил;

- Ты его помнишь?

Ничего подобного я не помнил.

- А что в этом соколе необыкновенного? - спросил я.

- Это ты должен мне сказать, - ответил дон Хуан.

Я настаивал на том, что понятия не имею, о чем идет речь, и, соответственно, рассказывать мне нечего.

Рассказ недели

Автор: vetra

08.05.2012 17:11 - Обновлено 15.05.2012 15:17

- Не нужно со мной бороться! - сказал дон Хуан. - Борись с собственной вялостью и вспоминай.

Какое-то время я совершенно серьезно старался его раскусить. Но мне пришло в голову, что точно так же можно было бы попытаться вспомнить.

- Когда-то ты видел множество птиц, - намекнул дон Хуан, как бы давая мне ключ.

Я сказал, что в детстве жил на ферме и подстрелил не одну сотню птиц.

Дон Хуан заявил, что в этом случае мне будет несложно вспомнить всех необычных птиц, на которых я охотился.

Он вопросительно смотрел на меня, словно это была решающая подсказка.

- Птиц было столько, и я охотился так много, - сказал я, - что ничего не могу о них вспомнить.

- Это - особенная птица, - произнес он почти шепотом. - Эта птица - сокол.

Я снова начал вычислять, к чему он ведет. Дразнит? Или говорит серьезно? После длинной паузы он снова велел мне вспоминать. Я почувствовал, что и мне не остается ничего другого, кроме как вступить в игру.

- Ты говоришь о соколе, на которого я охотился? - спросил я.

Рассказ недели

Автор: vetra

08.05.2012 17:11 - Обновлено 15.05.2012 15:17

- Да, - прошептал он, закрыв глаза.

- То есть это произошло, когда я был мальчишкой?

- Да.

- Но ты говоришь, что видишь сокола перед собой сейчас.

- Вижу.

- Что ты пытаешься со мной сделать?

- Пытаюсь заставить тебя вспомнить.

- Что вспомнить? Ради Бога!

- Сокола, быстрого как свет, - сказал он, глядя мне в глаза.

Я почувствовал, что сердце мое замерло.

- Теперь смотри на меня, - велел он.

Но я не смотрел. Его голос едва до меня доносился. Я был ошеломлен воспоминанием, которое полностью овладело моим существом. Белый сокол!

Началось все с того, что, подсчитывая своих леггорнских цыплят, дед приходил в бешенство. Цыплята регулярно исчезали самым досадным образом. Дед лично организовал и осуществлял тщательнейшее дежурство, и после нескольких дней наблюдения мы, наконец, заметили, как большая белая птица уносит в когтях молоденькую курочку. Птица действовала очень быстро и четко знала, что делает. Она выскользнула из-за деревьев, схватила курочку и скрылась сквозь просвет между ветвями. Все произошло настолько быстро, что дед едва успел заметить, но я рассмотрел, что это был сокол. Дед сказал, что если это действительно так, то сокол должен быть альбиносом.

Началась кампания по охоте на сокола-альбиноса, и дважды я думал, что он у меня в руках. Он даже выпускал из когтей добычу, но каждый раз уходил. Он был слишком быстр для меня. И очень умен, потому что на ферму моего деда охотиться больше не прилетал.

Я бы забыл о нем, если бы дед постоянно не подзуживал меня. Два месяца я преследовал белого сокола по всей долине, в которой мы жили. Я изучил все его повадки и был способен чуть ли не интуитивно предвидеть траекторию его полета. Но скорость и внезапность его появления неизменно сбивали меня с толку. Я мог похвастаться, что практически каждый раз, когда мы с ним встречались, я не давал ему ухватить жертву, но добыть его мне все-таки никак не удавалось.

Только однажды за два месяца войны с белым соколом мне удалось подобраться к нему близко. Целый день я его выслеживал и очень устал. Присев отдохнуть под эвкалиптом, я заснул. Разбудил меня внезапно раздавшийся над головой соколиный крик. Не двигаясь, я открыл глаза и увидел высоко в ветвях эвкалипта белую птицу. Это был сокол-альбинос. Преследование закончилось. Выстрел предстоял трудный: я лежал на спине, а сокол сидел, повернувшись ко мне хвостом. Я воспользовался внезапным порывом ветра, чтобы поднять свое длинное ружье двадцать второго калибра и прицелиться.

Я хотел дождаться, пока птица повернется или взлетит, тогда бы я не промахнулся. Но сокол не шевелился. Чтобы подстрелить сокола в том положении, в котором он сидел, нужно было прицелиться получше, а для этого я должен был подвинуться, но в этом случае сокол наверняка бы ушел, потому что был слишком быстрым. Я решил, что правильнее будет ждать. И я ждал бесконечно долго. Может быть, на меня

Рассказ недели

Автор: vetra

08.05.2012 17:11 - Обновлено 15.05.2012 15:17

подействовала длительность ожидания, а может - уединенность места, где, кроме меня и сокола, не было никого, но вдруг вверх по моему позвоночнику пробежал холодок, я встал и совершил совершенно неожиданный поступок - я ушел. Ушел, ни разу не оглянувшись, чтобы посмотреть - улетела птица или по-прежнему сидит на ветке.

Я никогда не придавал особого значения своему заключительному поступку в этой истории с белым соколом. Однако то, что я не выстрелил, было очень странным. Ведь я убил десятки соколов. На ферме, где я рос, охота на птиц и самых различных животных была делом совершенно естественным.

Дон Хуан внимательно выслушал мой рассказ о белом соколе.

- Откуда ты о нем узнал? - спросил я.

- Я увидел его, - ответил он.

- Где?

- Прямо здесь, перед тобой.

Я не был настроен спорить и спросил:

- Что все это значит?

Он ответил, что белая птица вроде этой - знак, и отказ от того, чтобы в нее выстрелить, был единственным правильным решением.

Рассказ недели

Автор: vetra

08.05.2012 17:11 - Обновлено 15.05.2012 15:17

- Смерть ненавязчиво предупредила тебя, - с таинственным видом произнес дон Хуан. - Она всегда приходит как холод в позвоночнике.

- О чем ты говоришь? - нервно спросил я.

Он в самом деле действовал мне на нервы своей мистической болтовней.

- Ты много знаешь о птицах, - сказал он. - Ты убил их слишком много. Ты знаешь, как нужно ждать. Ты часами неподвижно ждал. Я знаю. Я вижу.

От его слов все мои мысли и чувства пришли в полнейший беспорядок. Я подумал, что больше всего меня раздражает та уверенность, с которой он делает свои заявления. Эта догматическая однозначность была для меня невыносимой, тем более что речь шла о том, что касалось только меня и моей жизни, и в чем я сам не был уверен. Дон Хуан наклонился ко мне, но я был настолько подавлен, что не замечал этого, пока он что-то не прошептал мне в самое ухо. Сперва я не понял, и ему пришлось повторить. Он велел мне как бы невзначай обернуться и взглянуть на камень слева от себя. Он сказал, что моя смерть сидит там и смотрит на меня, и, если я по его сигналу поверну голову, то, возможно, смогу ее заметить.

Он сделал знак глазами. Я оглянулся, и мне показалось, что я заметил, как над камнем что-то мелькнуло. По спине прокатилась холодная волна, мышцы живота непроизвольно напряглись, и все тело судорожно дернулось. Мгновение спустя я совладал с собой, и тут же уверил себя в том, что движение, которое я заметил над камнем, - это оптическая иллюзия, вызванная резким поворотом головы.

- Смерть - наш вечный попутчик, - сказал дон Хуан предельно серьезным тоном. - Она всегда находится слева от нас на расстоянии вытянутой руки. Когда ты ждал, глядя на белого сокола, она наблюдала за тобой и что-то шепнула тебе на ухо, и ты ощутил ее холод, так же, как ощутил его сегодня. Она всегда за тобой наблюдала. И будет наблюдать, пока не настанет день, когда она похлопает тебя по плечу.

Рассказ недели

Автор: vetra

08.05.2012 17:11 - Обновлено 15.05.2012 15:17

Дон Хуан вытянул руку и слегка коснулся моего плеча, громко щелкнув языком. Эффект был поистине сокрушительный: меня почти вывернуло наизнанку.

- Ты принял правила игры и выжидал терпеливо, как выжидает смерть, и так же, как она, ты находился слева от белого сокола.

Странная сила его слов ввергла меня в состояние дикого неуправляемого ужаса, и я принялся лихорадочно записывать все, что он сказал, потому что другого способа защиты у меня не было.

- Как можно чувствовать себя настолько важной персоной, когда знаешь, что смерть неуклонно идет по твоему следу? - спросил дон Хуан.

Я чувствовал, что ответа не требуется. Впрочем, в любом случае я был не в состоянии что-либо произнести. Совершенно новое настроение охватило меня.

А дон Хуан продолжал:

- Когда ты в нетерпении или раздражен - оглянись налево и спроси совета у своей смерти. Масса мелочной шелухи мигом отлетит прочь, если смерть подаст тебе знак, или если краем глаза ты уловишь ее движение, или просто почувствуешь, что твой попутчик - всегда рядом и все время внимательно за тобой наблюдает.

Он снова наклонился ко мне и прошептал в самое ухо, что, резко оглянувшись налево по его знаку, я опять увижу на камне свою смерть.

Он едва заметно мигнул, но оглянуться я не отважился. Я сказал, что верю, и что в этом плане ему больше нет нужды на меня давить, потому что я и так в ужасе. Дон Хуан разразился своим раскатистым грудным хохотом.

Он ответил, что в вопросах, касающихся наших взаимоотношений со своей смертью, просто невозможно нажать на психику человека так сильно, как следовало бы. Но я возразил, сказав, что в моем случае бессмысленно столь углубленно это рассматривать, потому что ничего, кроме ощущения страха и дискомфорта, мысль о смерти мне не дает.

- Ты просто доверху набит всяким вздором! - воскликнул он. - Единственный по-настоящему мудрый советчик, который у нас есть, - это смерть. Каждый раз, когда ты чувствуешь, как это часто с тобой бывает, что все складывается из рук вон плохо и ты на грани полного краха, повернись налево и спроси у своей смерти, так ли это. И твоя смерть ответит, что ты ошибаешься, и что кроме ее прикосновения нет ничего, что действительно имело бы значение. Твоя смерть скажет: "Но я же еще не коснулась тебя!"

Дон Хуан покачал головой, как бы ожидая моей реакции. Но мне нечего было сказать. Мысли в бешеном темпе сменяли одна другую. По моему сомнению был нанесен сокрушительный удар. В свете моей смерти раздражение по адресу дона Хуана выглядело настолько мелочным!

Я чувствовал, что дон Хуан в полной мере осознает все изменения, которые произошли в моем настроении. Он выиграл, и теперь все складывалось в его пользу. Он начал напевать мексиканскую песенку.

- Да, - мягко произнес он после длинной паузы. - Один из нас должен снова осознать, что смерть охотится за каждым из нас, что она всегда рядом, за нашим левым плечом. Один из нас должен обратиться к смерти за советом, чтобы избавиться от бездарной мелочности, свойственной людям, которые живут так, словно смерть никогда их не коснется.

Больше часа мы молчали, а потом пошли обратно. Несколько часов мы петляли по пустынному чапаралю. Я не спрашивал, для чего это нужно, - это не имело значения. Каким-то образом дону Хуану удалось вернуть мне давно забытое чувство огромной радости просто оттого, что я есть, что я иду, не придавая этому никакого глубокомысленного значения и не ставя перед собой никаких интеллектуальных целей. Я захотел еще раз взглянуть на то, что видел там, на камне.

- Сделай так, чтобы я смог еще раз увидеть тень, - попросил я.

- Ты говоришь о своей смерти, да? - уточнил дон Хуан с оттенком иронии в голосе.

Мгновение я боролся с внутренним сопротивлением, но в конце концов решился:

- Да. Сделай так, чтобы я смог еще раз увидеть свою смерть.

- Не сейчас, - сказал он. - Сейчас ты слишком тверд.

- Не понимаю...

Дон Хуан засмеялся, и смех его почему-то не был обидным и предательским, как раньше. Я бы не сказал, что теперь он смеялся не так, как прежде, - тон, громкость и дух этого смеха остались неизменными. Но новый элемент все же присутствовал, и элементом этим было мое настроение. С точки зрения неотступности смерти мое раздражение и все мои страхи становились совершенно бессмысленной ерундой.

- Тогда позволь мне поговорить с растениями, - попросил я.

Дон Хуан разразился хохотом.

- Сейчас ты слишком хорош, - сказал он, не переставая смеяться. - Но тебя бросает из крайности в крайность. Успокойся. Ни к чему разговаривать с растениями, если тебе не нужно узнать их секреты, а для того, чтобы это понадобилось, необходимо обладать несгибаемым намерением. Так что побереги свои наилучшие побуждения для другого

Рассказ недели

Автор: vetra

08.05.2012 17:11 - Обновлено 15.05.2012 15:17

случая. Точно так же нет необходимости в том, чтобы встречаться со смертью. Достаточно чувствовать, что она всегда рядом.

{comments on}